

Неонорманистские измышления буржуазных историков

Д. А. Авдусин

За последнее время в зарубежной исторической литературе участились выступления сторонников так называемой норманнской теории. Буржуазные историки вновь и вновь пытаются воскресить эту теорию и «обосновать» мнимую неспособность русского народа самостоятельно создать своё государство, свою культуру. По мнению норманистов, основателями древнерусского государства были скандинавы. Фальсификаторы истории неоднократно разоблачали советские учёные¹.

Лидером норманистов является шведский археолог Т. Арне². На его книгу ссылаются все сторонники норманнской теории. Недавно Т. Арне вновь выступил в защиту норманизма от «нападений» советских учёных, в адрес которых он шлёт не только возражения, но и брань, как высшее доказательство своей правоты. Разберём его возражения по существу.

Основное положение статьи Арне выражено в её заглавии: «Гнездово эпохи викингов — предшественник Смоленска»³. Арне считает Гнездово не только предшественником Смоленска, но и древним Смоленском, основанным якобы скандинавами.

Прежде чем перейти к разбору статьи Арне, следует остановиться на характеристике Гнездова и его взаимоотношений со Смоленском.

К западу от Смоленска, у деревни Гнездово, находится большая группа курганов, которую археологи обычно разделяют на три части: Центральную, Песную и Ольшанскую. По подсчётам М. Н. Кислова (1950 г.), в Центральной и Лесной группах насчитывается 2428 курганных насыпей, занимающих площадь в 38 га. Однако многие курганы увязаны половецкими, разработками балластных карьеров и т. д. В древности курганы занимали площадь около 100 га, а число насыпей доходило до 5000. Ольшанская группа при впадении в Днепр ручья Ольши насчитывает 143 кургана. Кроме того существуют Заднепровская группа, расположенная на левом берегу Днепра (около 100 курганов), и ряд небольших курганных групп, находящихся в этом же районе. Всего у деревни Гнездово сохранилось около 3000 насыпей.

Естественно, что гнездовская группа курганов не могла не привлечь внимания исто-

риков и археологов. В разное время археологами раскопано в Гнездове более 700 курганов.

Уже один из первых исследователей Гнездова, В. И. Сизов, отметил, что в гнездовских курганах встречаются иногда вещи, похожие на скандинавские древности. Сизов подробно исследовал эти вещи и пришёл к верному заключению, что, «соображая количество курганов и количество вещей скандинавского стиля, можно думать, что этот пришлый элемент (то есть норманны. — Д. А.) не давал особенной окраски населению Гнездова и не играл здесь главной роли»⁴.

После В. И. Сизова в Гнездове работал С. И. Сергеев, дневники которого изданы А. А. Спицыным. А. А. Спицын бездоказательно утверждал, что Смоленск приобрёл значение якобы лишь со времени Олега, в связи с приходом туда норманнов⁵. По его мнению, Смоленск возник у впадения Ольши в Днепр, где теперь расположено небольшое городище. Олег якобы перенёс Смоленск на то место, где ныне находится Центральное Гнездовское городище, на ручье Свинце. На своё современное место Смоленск, по мнению Спицына, перенесён будто бы при Ярославе.

Это бездоказательное утверждение А. А. Спицына воспринято Арне ещё в его ранней работе о русских древностях⁶.

Применительно к Гнездову все выводы приходится строить только на материале погребений, так как одновременных поселений в Гнездове не существует. Вывод о господствующей роли скандинавов в Гнездове можно было бы обосновать лишь в том случае, если бы многие и притом наиболее богатые погребения оказались скандинавскими. Арне признаёт такой подход к решению этого вопроса. Однако он отрицает, что на русской земле можно признать скандинавскими только те погребения, где скандинавские вещи явно преобладают над местными. Совершенно очевидно, что в богатом скандинавском кургане на русской земле значительное количество вещей должны быть скандинавскими. Наоборот, если в погребении найдена только одна скандинавская вещь, то такой курган нельзя признать скандинавским, так как эта находка может быть случайной. Для признания погребения, находящегося на русской земле, сканди-

¹ См., например, Б. Д. Греков. О роли варягов в истории Руси. «Новое время». 1947, № 30; его же. Антинаучные измышления финского «профессора». «Литературная газета», 7 июня 1950 года.

² T. J. Arne. La Suède et l'Orient. Upsala. 1914.

³ T. J. Arne. Det vikingatida Gnezdovo Smolensk föregångare. «Arkeologiska forskningar och fynd». Stockholm. 1952.

⁴ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. «Материалы по археологии России». СПб. 1902, № 28, стр. 125.

⁵ А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. «Известия археологической комиссии». Вып. 15. СПб. 1905, стр. 7.

⁶ T. J. Arne. La Suède et l'Orient.

навским нужно, чтобы не было сомнений в скандинавском происхождении преобладающих в нём вещей. Только в этом случае наши выводы могут быть точными.

Вполне понятно, что в ряде случаев, особенно в курганах, бедных вещами, установить этническую принадлежность погребенных трудно или даже невозможно. Почему же мы должны считать, что в этих курганах погребены пришельцы, а не местные жители?

Свою точку зрения о скандинавском происхождении гнездовских захоронений Арне пытается аргументировать указаниями на якобы значительное количество скандинавских вещей, найденных в Гнездове. Однако в книге В. И. Сизова таких вещей описано очень мало, немного их и в гнездовских коллекциях. Арне утверждает, что в наших музеях собраны не все вещи, найденные в Гнездове. Но ни книга В. И. Сизова, ни дневники его раскопок не дают основания для такого утверждения. Все вещи, изданные В. И. Сизовым, сохранились, кроме коллекций Смоленского музея, уничтоженных гитлеровцами. Однако в Смоленском музее вещей из Гнездова было немного, и Арне это известно. В Смоленском музее Арне видел 24 овальных фибулы, 19 пряжек, 6 булавок, 7 мечей, 8 железных гривен и некоторые другие предметы. Если к ним прибавить ещё вещи, описанные В. И. Сизовым, которые Арне также считает скандинавскими, то и в этом случае количество их ничтожно. Между тем к тому времени было уже раскопано 650 курганов. Значит, либо число богатых скандинавских погребений в Гнездове было ничтожно малым и, следовательно, скандинавы не господствовали в Гнездове, либо находки были рассеяны по отдельным погребениям, в подавляющем большинстве которых они были единичны, что может свидетельствовать лишь о наличии в то время связей Руси со Скандинавией, а никак не о господстве скандинавов. К тому же многие из этих «скандинавских» вещей в действительности являются вещами местными. Ещё В. И. Сизов доказал, что ряд овальных фибул, найденных в Гнездове, не сохранил характерных черт северного стиля⁷. Значительные отступления от характерного северного стиля можно отметить в орнаментации ряда других скандинавских изделий из гнездовских курганов. Таким образом, скандинавское происхождение этих вещей по меньшей мере сомнительно.

Арне считает скандинавскими также железные гривны из гнездовских курганов. Действительно, железные гривны на Руси были весьма редки. Но надо заметить, что гнездовские гривны с квадратным сечением толстого прута существенно отличаются от тонких круглопробовочных скандинавских гривен. В четырёх местах или по всей длине этот прут перевит вокруг своей оси. Таких гривен в коллекциях дореволюционных раскопок Гнездова одиннадцать (а не одна, как неверно считает Арне). Все три гривны из раскопок 1949—1950 гг. принадлежат к

этому же типу. Таким образом, подобных гривен в Гнездове по крайней мере втрое больше, чем в Бирке, хотя здесь могил раскопано почти вдвое больше, чем в Гнездове. Для какой же местности они являются более характерными? Конечно, для Гнездова.

Немало говорилось о мечах из гнездовских курганов. Они не имели специфически норманского характера. Эти мечи были распространены во всех странах Европы, в том числе и на Руси. Встречаются они и в тех странах, где скандинавов никогда не было. Это давно доказано А. В. Арциховским⁸. К его доводам можно лишь добавить, что спектральным анализом гнездовских мечей в них обнаружена ничтожная природная примесь никеля, что характерно для железных вещей несомненно русского происхождения, например, ромбовидного наконечника стрелы, гвоздя, типично русского топора и др. Все эти вещи сделаны из металла, происходящего из одного геологического района России. Технология изготовления этих мечей хорошо была известна русским ремесленникам⁹.

Таким образом, нужно решительно отвергнуть упрямо повторяемый, но ничем не подкреплённый тезис Арне о якобы скандинавском происхождении гнездовских мечей.

В работах советских археологов указывается, что в Гнездове не было обнаружено наиболее характерного оружия норманнов — топоров¹⁰. Подтверждая, что топоры — характерное оружие скандинавов, Арне признаёт, что в Гнездове найден только один топор скандинавского типа¹¹. Он объясняет это тем, что этот вид оружия в скандинавских могилах X в. был редкостью. Большие же скандинавские топоры, по мнению Арне, относятся к более позднему времени.

Однако в Гнездове обнаружен не один топор, как это указывает Арне. В. И. Сизов издал найденный в Гнездове топор салтовского (алано-хазарского) типа. Два подобных топора найдены при моих раскопках в Гнездове. Три экземпляра русских топоров из Гнездова изданы А. А. Сплицыным, один — мною, три, из раскопок В. И. Сизова, хранятся в Государственном Историческом музее в Москве. Близкий к ним по типу топор известен из гнездовских раскопок И. С. Абрамова¹². Аналогичные топоры ши-

⁸ А. В. Арциховский. Русская дружина по археологическим данным. «Историк-марксист». 1939, № 1.

⁹ Б. А. Колчин. Чёрная металлургия и металлообработка в древней Руси. «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА). Вып. 32. М. 1945, стр. 136.

¹⁰ А. В. Арциховский. Указ. соч.

¹¹ Т. J. Arne. Det vikingtida Gnezdovo Smolensk föregångare, стр. 342.

¹² В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 25. Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры» (КСИИМК). XXXVI, стр. 24; см. Д. А. Авдусин. Гнездовская экспедиция. КСИИМК. М. 1952, рис. 27; А. А. Сплицын. Гнездовские курганы в раскопках Сергеева. ИАК-15. СПб. 1905, рис. 82; Д. А. Авдусин. Гнездов-

⁷ В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 36.

роко известны в русских древностях¹³. Наконец, ещё один топор из Гнездова, тоже нескандинавского типа, также хранится в Государственном Историческом музее.

Таким образом, число топоров, найденных в Гнездове, по отношению к количеству раскопанных там курганов (750) не меньше, чем в Бирке, где, по словам Арне, в 1170 раскопанных могилах найдено 20 топоров¹⁴.

Не может ли Арне объяснить, почему самое характерное для скандинавских воинов оружие в Гнездове не скандинавского, а русского или салтовского типа? Ответ может быть один: воины, похороненные в Гнездове, не были скандинавами.

Арне признаёт, что ланцетовидные наконечники стрел могли принадлежать как шведам, так и русским¹⁵. Но Арне умалчивает о том, что большинство стрел, найденных в Гнездове, имеет не ланцетовидную, а ромбовидную форму, очевидно, потому, что ромбовидные черешковые наконечники стрел весьма редки в Скандинавии, но специфичны именно для русского оружия. Они бытовали в России до XVII века.

Арне умалчивает также о русской формы шлемах и кольчугах, найденных в Гнездове и распространённых на Руси, а не в Скандинавии.

Наиболее богатые курганы Арне считает могилами именитых людей дружины — скандинавских военных вождей, — несмотря на то, что эти мнимые скандинавы были вооружены не шведскими, а русскими мечами, топорами и стрелами, носили не скандинавские, а русские шлемы и кольчуги. Для доказательства своего взгляда Арне приводит тот аргумент, что в Гнездове, как и в долине Меларн в Швеции, преобладал обряд трупосожжения. Однако широко известно, что этот обычай был распространён и на Руси со времён полей погребений, а также и у поляков, чехов и других славянских народов.

Описывая внешний вид курганов, Арне говорит лишь о преобладающих в Гнездове курганах круглой и овальной формы. Но наряду с курганами этих форм известны насыпи в виде усечённой четырёхгранной пирамиды. Это самые древние из гнездовских насыпей, по ряду признаков сближающиеся с древнейшими так называемыми «длинными курганами», которые распространились

ская экспедиция. рис. 27—2; Государственный Исторический музей, хранение 117-416 и 117-47а; А. А. Спицын. Отчёт о раскопках, произведённых в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губернии. «Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества». Т. VIII, вып. 1. СПб. 1906, рис. 30.

¹³ «Материалы по археологии России». Вып. 20, табл. XIX, рис. 6; А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК-15. СПб. 1905, рис. 107 и 397. А. Л. Монгайт. Топография Старой Рязани. КСИИМК XLIV. М. 1952, рис. 31-1 и мн. др.

¹⁴ Т. J. Arne. Det vikingatida Gnezdovo Smolensk föregångare, стр. 342.

¹⁵ Там же, стр. 343.

и стали обычными у славян задолго до варягов.

В то же время в Гнездове неизвестны курганы, основание которых было бы выложено камнями, как это часто делалось в Скандинавии.

Представление А. А. Спицына, на которое ссылается Арне, что курганы XI в. есть результат смешения русского и шведского погребальных обрядов, неверно¹⁶.

Касаясь обряда погребения в лодке, порчи оружия при погребении и других погребальных обычаев в Гнездове, Арне восклицает: «Должны ли все эти явления потерять свой северный характер лишь потому, что в одной из по крайней мере 650 раскопанных могил нашли одно (вообще редко встречающееся) славянское височное кольцо и остатки амфоры, соответственной которой не было, однако, найдено среди множества глиняной посуды, обнаруженной в курганах Гнездова?»¹⁷.

Но никто не отрицает, что погребальные обряды, о которых говорит Арне, встречаются в Скандинавии. Мы лишь утверждаем, что многие из них, присущи не только скандинавам, но и народам других стран. Славянское височное кольцо, найденное в могиле на славянской земле, и особенно гнездовская амфора — корчага — доказывают славянскую принадлежность погребения, тем более, что на корчаге имеется древнейшая русская надпись, смысл которой тщетно пытается извратить Арне.

Приводя крымские аналогии корчаге из Гнездова, Арне пытается доказать, что она привезена с Балканского полуострова. Странный аргумент Арне, доказывающего по крымским аналогиям балканское происхождение вещи, не заслуживает внимания. Ведь никто и не утверждает, что корчага была сделана в Гнездове. Более того, издатели надписи сразу же высказали предположение о южном происхождении корчаги¹⁸. Возражение Арне имело бы какой-нибудь смысл, если бы надпись на корчаге была сделана до обжига, в момент её изготовления. Это, видимо, и имеет в виду Арне. Он воспроизводит надписи не по фотографиям, которые имеются в его распоряжении, а в виде сомнительной перерисовки изданных фотографий, на которой надпись действительно выглядит так, будто она сделана по сырой глине. В действительности же надпись процарапана на уже обожжённой поверхности корчаги.

Говоря о самой надписи, Арне подчёркивает, что она выполнена буквами кириллицы, заимствованными из греческого алфавита. Однако Арне умалчивает о том, что надпись содержит шипящую букву, неизвестную греческому алфавиту, и, таким

¹⁶ Д. А. Авдусин. Варяжский вопрос по археологическим данным. КСИИМК. XXX, стр. 4.

¹⁷ Т. J. Arne. Det vikingatida Gnezdovo Smolensk föregångare, стр. 341.

¹⁸ Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. «Вестник Академии наук СССР». 1950, № 4, стр. 77.

образом, уже по начертанию является славянским.

Арне говорит далее: «Слово было переведено как «горчица». В русском языке, правда, такого слова нет, но оно может быть отнесено к славянским словам. Оно имеет связь с прилагательным «горький», и хитрые описатели находки придумали, что это может означать острую приправу, пряность, и, конечно, самую дорогую из всех существовавших в то время, а именно перец»¹⁹. Арне глубоко ошибается. Слово «горчица» и сейчас существует в русском языке. Это слово в древности произносилось иначе, а именно, как «горушью», «зрьно горушью»²⁰. Как видим, слово «гороухша», написанное на корчаге, не только созвучно современному прилагательному «горький», но самым реальным образом существовало в древнерусском языке и является русским словом. Замечательно, что русские надписи известны не только на корчаге, обнаруженной в Гнездове, но также и на новгородской, которая несколько моложе гнездовской, и на киевской (XI—XII вв.)²¹. Вместе с тем надписи на корчагах, современных гнездовской, с Балканского полуострова неизвестны. Надпись на гнездовской корчаге была сделана её русским владельцем в тот момент, когда в неё была насыпана горчица, перед транспортировкой сосуда, чтобы не забыть о содержимом.

Норманисты, естественно, были удивлены, что в Гнездове не обнаружено рунических надписей. Вместо рун в 1949 г. здесь была найдена русская надпись. Эта надпись, несмотря на все попытки Арне исказить её, неопровержимо доказывает славянский характер захоронения и опровергает взгляды норманистов.

На этот раз Арне не мог, как раньше, обойти молчанием вопрос о номерах гнездовских курганов, которые он считает скандинавскими. Арне пытается всячески оправдаться тем, что таких курганов он может назвать только 26. Заметим, что, по словам Арне, описание пяти из этих курганов было ему недоступно.

Мы не в состоянии судить, подобно Арне, о национальности погребённых в курганах, содержание которых нам неизвестно. Попробуем разобраться в погребальном инвентаре каждого из 21 известного нам кургана, которые Арне считает скандинавскими. К этим курганам Арне относит курганы №№ 14 и 15 из раскопок Кусцинского, курган раскопанный в 1885 г. Сизовым, курганы №№ 7, 34, 37, 46, 50, 52, 53, 56, 58, 65, 74, 85, 86, 89, 90, 91 из раскопок Сергеева, курганы №№ 12 и 14 из раскопок Абрамова.

¹⁹ Т. J. Arne. *Det vikingatida Gnezdovo Smolensk föregångare*, стр. 340.

²⁰ Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. *Указ. соч.*, стр. 76.

²¹ Надпись на корчаге в Новгороде найдена в 1953 году. Факт сообщил мне начальником экспедиции А. В. Арциховский, за что приношу ему свою глубокую благодарность. См. также Б. А. Рыбаков. *Надпись киевского гончара XI в.* КСИИМК XII. М. 1946.

Предварительно оговорим, что при описании гнездовского курганного инвентаря опущены все встреченные там глиняные горшки, принадлежащие к общему для всех славянских племён типу и неоднократно описывавшиеся²².

В кургане № 14 раскопок Кусцинского, кроме иранской лампы в виде женской головы, был найден набор финских шумящих привзсок; подобные привзски найдены в огромных количествах при раскопках на Оке. В кургане, кроме этих предметов, ничего не найдено, однако Арне объявляет курган «норманским». Заключение Арне поистине неожиданно, хотя способность делать неожиданные заключения он приписывает советским археологам.

В кургане № 15 обнаружены три горшка, наполненные жёмыми костями. Около первого горшка были воткнуты в землю меч и копьё, во втором горшке находились пинцет, булавка, нож, скобка и гребень, на третий горшок была надетая железная гривна. Между горшками лежали ножницы. Найденное здесь оружие общераспространённого в то время вида, производством которого существовало и на Руси. Что же тогда скандинавского в этом кургане? Об этом Арне не пишет, ссылаясь (как и в других случаях) на... «недостаток места» в статье.

Курган, раскопанный Сизовым в 1885 г., имеет в высоту 9 метров и 103 метра в окружности. В нём была найдена груда вещей, среди которых шлем, меч, копьё, поливная тарелка с изображением иранского божества Сэмурава. Всё это было покрыто щитом, у которого удалось проследить круглую форму и красную окраску. Кроме того в кургане найдены нож, оковка ножен, пряжки и бляшки нескольких типов, наконечники пояса, оковка кубка (по Сизову, венчик), пинцет, оселок, игральные кости, раковина, заклёпки, пробои, гвозди, разные обломки. Курган датируется диргемом X в. (по В. И. Сизову, 903 г., по С. А. Яниной, 905—906 гг.).

В этом кургане скандинавским можно считать только пояс. К убранству этого пояса относятся наконечники, некоторые бляшки и пряжки. Многие из них сильно повреждены огнём, и орнамент их не вполне ясен, но отрицать скандинавский характер этих вещей нет оснований. Все остальные вещи не являются скандинавскими, а ведь каждая из них представляет особую вещевую категорию, в то время как все скандинавские предметы включены в один поясной набор. Оружие, найденное в этом кургане, не имеет ничего специфически скандинавского. Формы меча и кинжала, правда, определить трудно, но меч, видимо, принадлежит к обычному для того времени типу. Шлем относится к виду шлемов-пищавков, распространённых на Руси и неизвестных в Западной Европе. Русское происхождение гнездовского шлема хорошо доказано ещё Сизовым и подтверждено работами ряда археологов. Щит был крас-

²² А. В. Арциховский. *Культурное единство славян в средние века. «Советская этнография»*. 1946, № 1.

ного цвета, подобно червлёным шитам «Слова о полку Игореве». Поливная тарелка — восточного происхождения. Таким образом, есть все основания утверждать, что в большом кургане 1885 г. был похоронен славянский военачальник. И тем не менее Арне смело объявляет этот курган скандинавским!

Курган № 7, раскопанный Сергеевым, содержал пряслице серого шифера, поясное кольцо, оковку, стеклянные бусы разных цветов, хрустальную бусину. Можно полагать, что даже Арне ни одну из этих вещей не назовёт скандинавской. Курган № 34 был раскопан железнодорожным мастером без соблюдения обычных правил, и нет гарантии, что до нас дошли все обнаруженные им вещи. В нём найдены оправа гребня, железное кольцо, стержень и пластинка, а также две овальные фибулы, характер которых неясен.

Курган № 37, кроме славянских горшков, содержал лишь одну привеску скандинавского происхождения. Можно ли на этом основании объявить погребённого норманном? В кургане № 46 раскопаны гребень, стеклянные бусы, пряжка, обрывок цепочки, шило, гвозди, язычок от фибулы, привеска и обломки других предметов. Единственной вещью, которая может быть скандинавской, является привеска. Остальной инвентарь не скандинавский, и признать курган норманским нельзя.

В кургане № 50 найдены: зубило, шило, связка железных колец, пряжка, обоймица, шипы, гирька, оселок, гвоздь и топор, тот самый, который Арне признал скандинавским. Но ведь остальные вещи не являются скандинавскими. Следовательно, и этот курган нельзя считать скандинавским. Отметим кстати, что Б. А. Рыбаков склонен рассматривать этот курган как погребение ремесленника, а не воина²³.

В кургане № 52, датированном диргеом X в., найдена, несомненно, местная фибула, имеющая аналогии на Смоленщине, а также поясной набор, шип, две привески с изображением зверя и лодовина овальной фибулы. Можно думать, что привески и овальная фибула скандинавские. Им противостоит местная фибула и поясной набор, аналогии которому встречены главным образом на Урале. Характер кургана остаётся невыясненным.

Курган № 53 содержал: бусы, перстень, крючок, пластинчатые кольчужки, шипы, язычок от фибулы и кончик трёхлепестной фибулы. Обломок трёхлепестной фибулы имел упрощённый орнамент, о котором Сизов говорил, как о свидетельстве непонимания стиля. Широкосрединные пластинчатые перстни, подобные найденному в этом кургане, в огромном количестве имелись у всех славянских племён. Для племён неславянских они по меньшей мере не характерны²⁴.

Арне утверждает: «Ожерелья из стекла и различных камней в большом количестве

имеются в могилах эпохи викингов и ни в коем случае не могут свидетельствовать о национальности их владельца»²⁵. Позволим себе не согласиться с этим положением Арне. А. В. Арциховским установлены определённые сочетания бус, свидетельствующие о принадлежности их владельца к тому или иному племени; он, в частности, отметил большую распространённость хрустальных шарообразных бус (подобная которым найдена в данном кургане) среди древностей славянского племени вятичей²⁶. Кольчуга, как известно, была принадлежностью русского воина, а не скандинавского. Ясно, что этот курган не скандинавский, а славянский.

В кургане № 56 найдены умбон (сердцевина шита), поясные кольца, бляшки и наконечник пояса, пряжки, пуговицы, шипы, оковка, оселок. Инвентарь этого кургана нехарактерен, и трудно сказать, почему Арне считает его скандинавским.

В кургане № 58 найдены две железные гривны и умбон. Инвентарь, видимо, неполон.

В кургане № 65 найден медный котёл, внутри которого лежал череп барана, обломки оковки, шипы, заклёпки, гвозди, кольцо, пуговка, цепочка, бляшки, обрывки золотых и серебряных нитей, подвески, гребень, гирька, оселки, игла, 2 пряслица, бусы, перстнеобразное височное кольцо, железная гривна, 2 шипа от фибулы. К скандинавским вещам в этом кургане относятся лишь обломки фибулы и, возможно, железная гривна, тип которой неизвестен. К славянским вещам относится характерное перстнеобразное височное кольцо и пряслице из розового шифера. Остальные вещи также известны в инвентарях славянских курганов. Таким образом, характер погребения по меньшей мере спорен.

Содержание кургана № 85 таково: кольцо, пряжки, бубенчики, пуговицы, бляшки и наконечник пояса, гирька, оселок, игральная кость, шипы, ножи, наконечник ножен, перстнеобразное височное кольцо, ромбовидный наконечник стрелы, трёхгранный наконечник стрелы, узкая фибула и обломки оковки. Несомненно, что в этом кургане погребён славянин. Об этом говорят стрелы русского типа, височное кольцо, обычные в русских курганах маленькие подковообразные пряжки. Узкая фибула имеет схематический орнамент и не может быть признана скандинавской.

В кургане № 86 встречены следующие вещи: кольчуга, шлем, меч, кинжал, наконечник копья, ланцетовидный наконечник стрелы, весы, игральная кость, поливная тарелка, заклёпки, бляшки и наконечник пояса, пряжка со скандинавским орнаментом, обломки двух овальных фибул, бусы, пуговицы, обломки оковки, язычок пряжки, костяной гребень. К скандинавским вещам относятся 2 овальные фибулы, наконечник пояса и пряжка. Однако главные находки

²³ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М. 1948, стр. 230.

²⁴ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М. 1930, стр. 81.

²⁵ T. J. Arne. Det vikingatida Gnezdovo Smolensk föregångare, стр. 342.

²⁶ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 39.

в этом кургане нескандинавского происхождения. Среди них кольчуга, шлем, меч, копье обычного для русских древностей типа. Неясна форма сильно переработанного кинжала. Возможно, что это встречающийся иногда в курганах X в. «скрамасакс». Ланцетовидный наконечник стрелы, по свидетельству самого Арне, мог принадлежать и русским. Мы не настаиваем на обязательном признании этого кургана славянским, но считаем, что в пользу такого заключения оснований больше, чем в пользу решения, предложенного Арне.

В кургане № 89, кроме одной овальной фибулы, которая, по мнению Арне, доказывает скандинавское происхождение погребённого, найдены 3 гири, бусы и обломки неопределённых вещей. По единичной фибуле, орнамент которой неизвестен, делать вывод о скандинавском характере захоронения мы считаем невозможным.

Курган № 90 содержит поясные бляшки, оковку, колечко, шипы, гвозди, инструмент для нанесения обычного на русских костяных изделиях циркульного орнамента и овальную фибулу. На основании этих данных курган нельзя назвать норманским.

В кургане № 91 найдена одна скандинавская пряжка. Здесь же найден наконечник стрелы русского типа, пуговка, оселок, частое в русских древностях калачевидное кресало, язычок пряжки, кольцо, шипы. Присутствие в кургане единственной скандинавской вещи не может опровергнуть вывода о славянском происхождении инвентаря этого кургана. В кургане № 12 раскопок Абрамова не найдено ни одной скандинавской вещи, а в кургане № 14 никаких вещей вообще не обнаружено. Видимо, Арне ошибся в номере кургана, на который он хотел указать как на скандинавский.

Особое положение занимает курган № 74, раскопанный Сергеевым. В этом кургане нашли деревянное ведро, железный котёл, в котором лежал череп козла, бусы, цепочку, бляшку, серебряную проволоку, золотые нити, костяной гребень, гири, обоймы, кольцо, кольчужки-колечки, обломки оковки, шипы, 234 заклёпки, гвозди, нож, глиняную фигурку и целую серию скандинавских вещей, в числе которых 5 пряжек со скандинавским орнаментом, 11 поясных бляшек, 7 поясных наконечников, костяной набалдашник, круглая бляшка, 4 овальные фибулы. Может быть, сюда же можно отнести часть железной гривны с привесками. В этом же кургане найден расширяющийся к концу нож, аналогичный обнаруженному на городище старого Самарканда — Афрасиабе — и хранящемуся в Самаркандском музее. По предположению Сизова, этот нож служил для жертвоприношений. Некоторыми археологами по недоразумению он назван «скрамасаксом». Гнездовский нож украшен серебряной бордатовой человеческой маской. Обилие скандинавского инвентаря даёт основание заключить, что в данном кургане был похоронен скандинав.

Таким образом, из 21 кургана, относимого Арне к скандинавским, лишь 1, возможно, был таковым, но это не самый большой и не самый богатый из гнездовских курганов;

к тому же он не имеет дружинного характера. Желая доказать господство в Гнездове группы скандинавов-воинов, Арне привёл лишь список курганов, в которых встречены единичные скандинавские вещи. Проверка этого списка показала, что большая часть перечисленных им курганов нескандинавского происхождения.

Нельзя утверждать, что, кроме № 74, в Гнездове нет других скандинавских курганов. К числу таких погребений можно отнести, например, курган № 59 из раскопок Соколова, который также содержал значительное количество скандинавских украшений, хотя стрелы в этом кургане русского типа. Скандинавские погребения встречались и среди тех курганов, состав погребального инвентаря которых восстановить невозможно. Как мы видели, характер ряда погребений спорен, но количество неопределимых и спорных курганов незначительно, так что Арне не смог бы подкрепить ими свои норманистские взгляды.

Из 136 названных Арне курганов лишь 1 можно считать скандинавским. Среди 98 курганов, раскопанных в 1949—1953 гг., не оказалось ни одного норманского.

Важно отметить, что скандинавские вещи в Гнездове представлены в основном женскими украшениями и поясными бляшками. Из всей массы гнездовского оружия лишь единичные экземпляры являются скандинавскими. Видимо, женские украшения были предметом торговли северных стран со Смоленщиной, а торговали этими предметами, вероятно, варяжские наёмные воины.

Нам известны случаи приглашения варяжских наёмных отрядов на службу к русским князьям; иногда наёмники оставались жить на Руси, причём некоторые из них достигали высокого положения. Однако, судя по гнездовским и другим дружинным курганам, это случалось очень редко. Если бы вершуща дружины была скандинавской, то при сравнении инвентарей богатых и бедных курганов Гнездова мы встретили бы не только имущественное, но и принципиальное этническое различие. Однако и в тех и в других курганах, помимо дорогих предметов, встречаются одни и те же вещевые категории. Как мы видели, крупнейшие гнездовские курганы насыпаны над прахом русских военачальников.

Важно отметить, что на Смоленщине нет городищ, оставленных норманнами. Где жили варяги, которыми Арне населил Смоленщину, неизвестно. Гнездовские городища, как установлено, возникли в XVI—XVII вв. и к древнему Смоленску не имеют никакого отношения; варяги в них жить не могли²⁷. Арне признаёт, что варяги не жили и в Смоленске²⁸. При раскопках и при случайных земляных работах в Смоленске не было найдено ни одной норманской вещи.

Варяги не жили на Руси отдельными поселениями или значительными группами.

²⁷ Д. А. Авдусин. Раскопки гнездовских городищ в 1953 г. «Вестник Московского университета», 1953, № 11.

²⁸ T. J. Arne. Det vikingatida Gnezdovs Smolensk föregångare, стр. 337.

Осевшие на Руси немногочисленные варяги быстро теряли свои племенные черты и ославянивались.

Варяги не могли оказать влияния на русскую культуру, ибо стояли на более низкой ступени общественного развития.

Находившиеся на стадии разложения родового строя скандинавы не могли создать государственности у более развитого народа, каким были восточные славяне. Государство не создаётся завоевателями-пришельцами, а образуется в результате внутреннего развития общества — образования классов.

Арне не первый раз пытается фальсифицировать русскую историю. Вскоре после окончания второй мировой войны появилась статья Арне, в которой он стремился доказать, что на Руси до варягов не было государства и древнерусское государство создано скандинавами. Этот выпад нашёл достойный отпор в статье академика Б. Д. Грекова²⁹.

Однако Арне вновь упорно твердит о выдающейся роли варягов на Руси и даже заявляет: «Кривичи... двинулись в направлении на восток и северо-восток. Имеются исследователи, которые считают, что этот процесс имел место благодаря помощи пришедших сюда варягов»³⁰. Историком, который считает, что волжский путь открыли и освоили шведы, является сам Арне. Эта теория давно разбита советскими историками³¹.

²⁹ Б. Д. Греков. О роли варягов в истории Руси. «Новое время». 1947. № 30.

³⁰ T. J. Arne Det vikingatida Gnezdvo Smolensk föregångare, стр. 344.

³¹ См. статью Я. В. Станкевича К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X столетиях. «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА). Вып. 6. М. 1941.

Норманны были малочисленны на Руси. Они не могли оказать и не оказали никакого влияния на развитие Смоленска, который уже в IX в. упоминается в числе других крупнейших центров Руси, будучи главным городом одного из самых сильных и многочисленных славянских племён — кривичей. Русские летописи ни разу не упоминают о варяжском населении Смоленска, которое Арне приходится «открывать». Арне утверждает, что Олег завоевал Смоленск и населил его своими людьми, в частности варягами. Однако «Повесть временных лет», на которую ссылается Арне, говорит прямо противоположное: «Поиде Олег поим вои многои, варяги, чюдь, словени, мерю, весь, кривичи и приде к Смоленську с кривичи, и прия град, и посади мужь свои»³².

Итак, летопись говорит, что в составе войска Олега были варяги, но под Смоленск он пришёл не с ними, а «с кривичи». Смоленск Олег не завоевал, а «приял», то есть смоляне сами отдали город Олегу. В Смоленске Олег оставил не войско, а «мужь свои», — видимо, правителя.

Арне не жалеет едких слов, когда говорит о противниках норманской теории. Жалусь постоянно на «недостаток места» для научной аргументации, Арне вместе с тем пространно критикует ошибки В. И. Сизова, не имеющие прямого отношения к теме его статьи. Он обрушивается на академика М. Н. Тихомирова, пытаясь бездоказательно опорочить его толкование гнездовской надписи. Зато деятельность А. А. Спицына, одного из последователей норманизма в археологии, заслужила похвалу Арне.

Статью Арне можно расценить как выпад против русского народа, не имеющий ничего общего с наукой.

³² «Повесть временных лет». Под редакцией Ариановой-Перетц. Т. 1. Изд. АН СССР. М.-Л. 1950, стр. 20.